

3. Польский кризис (1980—1983 гг.)

Афганский кризис серьезно ухудшил международную обстановку, но окончательно добились «разрядку» события, разыгравшиеся в Европе. Еще в 70-х гг. с серьезными экономическими проблемами столкнулась Польша. Экономический кризис здесь на глазах стал перерастать в социально-политический. В середине 70-х гг. руководство правящей Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) во главе с Э.Гереком решило выйти из кризиса путем технологического перевооружения экономики страны за счет привлечения западных кредитов. Политбюро ЦК КПСС первоначально санкционировало шаги руководства ПОРП к экономической интеграции ПНР с Западом¹¹⁰. Вероятно, здесь сыграли роль соображения экономии — казалось возможным задействовать ресурсы Запада для реконструкции хозяйства одной из соцстран.

В Польше началась инвестиционная горячка — вложения превысили план на треть. При этом сами плановые механизмы были значительно ослаблены путем введения «отрытого», т.е. гибкого плана¹¹¹. «Для интенсивного развития промышленности, — пишет А.Поморский, — начали брать большие кредиты на Западе. Начали покупать лицензии на современную технологию с расчетом на то, что продукция новых заводов оплатит долги. Помешал этим планам нефтяной кризис 1973 года, но настоящей причиной неудачи были односторонние решения, дилетантизм и коррупция власть имущих...»¹¹² Все это так. Но по другим странам социалистического содружества нефтяной кризис не ударил так больно — у них был «автономный источник» нефтеснабжения в лице СССР. Однако Советский Союз не пошел навстречу Польше в ее затруднительном положении, так как уже не хотел поощрять усиление ее технологической зависимости от Запада. И тогда вслед за технологической зависимостью усилилась зависимость финансовая. Долги Польши капиталистическим странам достигли 20 миллиардов долларов, а проценты по долгу сравнялись с размерами польского экспорта. «На экспорт шло все, что можно (и что нельзя тоже), а внутренний рынок оказался пустым. В стране перед пустыми магазинами — очереди, а в газете «Трибуна люду» и по телевидению — успех за успехом!»¹¹³

В 1976 г. это вызвало новый всплеск рабочих волнений. Если в 1970 г. на аналогичные выступления правительство ответило стрельбой по демон-

странтам, то теперь власти не пошли на расстрел рабочих, хотя и преследовали «зачинщиков». Однако на помощь рабочим пришли настроенные оппозиционно-социалистически интеллигенты, создавшие в 1978 г. правозащитную организацию, ориентированную на помощь рабочим — «Комитет защиты рабочих» (КОР). Лидерами КОР были социалисты Я.Куронь и А.Михник, ранее исключенные из партии за «ревизионистские» взгляды. Помощь диссидентов рабочим, пострадавшим после волнений 1976 г., заложила основу союза рабочего класса и интеллигенции, о необходимости которого столько говорили коммунисты.

Режим не мог нанести сокрушительный удар по оппозиции. Это могло ухудшить отношения с кредиторами. А они уже преследовали не только финансовые интересы. В 1978 г. помощник президента США по национальной безопасности З.Бжезинский подготовил доклад (опубликован в 1983 г.), в котором, в частности, говорилось:

«Наиболее перспективной тактикой в настоящее время является не немедленное уничтожение коммунизма, а применение определенных средств, преследующих целью укрепить оппозицию и ослабить таким образом коммунистическую партию». Эту стратегию предполагалось опробовать на Польше: «Соглашения между США, их союзниками и Польшей должны быть направлены на укрепление зависимости Польши от Запада в области финансов, экономики, снабжения продуктами питания. Через незначительный промежуток времени начнет возрастать количество поляков, считающих, что только поддержка Запада является гарантией благополучия и прогресса... Следует разжигать в поляках антисоветские и антирусские настроения... На политических руководителей следует влиять таким образом, чтобы они заняли умеренную позицию в отношении диссидентов и выработали приемлемый вариант диалога с общественностью. В этом созданном политиками, профсоюзными деятелями, средствами массовой информации и отвлекающими маневрами климате наши действия должны способствовать дестабилизации обстановки в Польше. В этих условиях в партии возникнет смятение, а оппозиция приобретет новых сторонников»¹¹⁴. Не все детали этого плана удалось воплотить в жизнь. Но ведь в Польше отработывалась модель, которая потом будет в иных модификациях применяться и к другим «странам социализма», в том числе СССР.

Признаки выполнения замыслов финансовых партнеров Польши наметились уже в 1979 г., и не только в области политической жизни. Происходила быстрая вестернизация культурной жизни Польши, исторически тяготеющей к Западу. Так, например, в 1979 г. по польскому телевидению было показано 395 фильмов социалистических стран и 583 — капиталистических¹¹⁵.

Политика ПОРП вызывала неудовольствие в Москве — еще до начала «польских событий» Герек опасался вторжения советской армии. По его просьбе президент Франции В.Жискар д'Эстен убеждал Брежнева в том, что военное вмешательство СССР в Польше недопустимо¹¹⁶.

Попытка ПОРП решить проблему долга за счет политики экономии привела к резкому росту дефицита продовольственных товаров и одновремен-

ному повышению цен. Однако польское общество, в котором сильны были традиции антикоммунизма, не собиралось с пониманием относиться к такой политике. Сопротивление коммунистическому государству опиралось и на влияние в Польше неподконтрольного государству католической церкви, и на силу товарных отношений (польская деревня не была коллективизирована).

1 июля 1980 г., после повышения цен на качественное мясо, в Польше вспыхнули рабочие волнения. В отличие от предыдущих выступлений подобного рода интеллигенция смогла установить контакт с рабочими вожаками. Движение принимало все более организованный характер. В поддержку рабочих выступил КОР, предложения которого носили вполне социалистический характер. КОР, в частности, требовал: *«Так называемые коммерческие цены должны быть отменены, и введено общее рacionamento мясных продуктов, т.е. карточки на мясо в соответствии с прежними ценами (до 1 июля)»*¹¹⁷. То затухая, то снова вспыхивая, в августе волнения охватили польское побережье, где при содействии КОР был создан Межзаводской забастовочный комитет (МЗК) во главе с рабочим Л.Валенсой. Число забастовщиков достигло 600 тысяч¹¹⁸. МЗК и КОР выработали 21 требование рабочих к властям. Наряду с чисто экономическими требованиями рабочие выступили за *«признание свободных, независимых от партии и от работодателей профсоюзов», за «гарантию права на забастовку, а также безопасности бастующих и поддерживающих их лиц», «допущение свободы слова и печати, гарантированных Конституцией ПНР; недопущение репрессий по отношению к независимым печатным изданиям; обеспечение представителям всех вероисповеданий доступа к средствам массовой информации», «восстановление на работе и учебе лиц, уволенных и исключенных за участие в рабочих и студенческих волнениях, освобождение политзаключенных», «прекращение любых преследований за убеждения», «принятие действенных мер, чтобы вывести страну из кризисной ситуации, для чего нужно:*

а) опубликовать без утаивания полную информацию о социально-экономическом положении страны;

*б) предоставить возможность всем слоям населения участвовать в обсуждении программы реформ»*¹¹⁹.

Рабочие, уже имевшие опыт забастовочного движения, выступили против государства-работодателя, а союзные организации интеллигенции, прежде всего КОР, — подсказали им главное требование, которое могло на этот раз привести к успеху, — самоорганизация в независимый профсоюз. На переговорах с представителями правительства Валенса заявил: *«Мы хотим свободные профсоюзы, то есть противовес, который даст нам возможность вести переговоры, без нужды объявлять забастовки и не боясь репрессий»*¹²⁰.

Взрыв польской «контрреволюции» (то есть неугодной коммунистам революции) вызвал в Кремле немалое волнение. 28 августа Суслов, Громыко, Андропов, Устинов и Черненко направили в ЦК (то есть своим коллегам по Политбюро) записку, в которой предлагали привести в боевую готов-

ность три танковые и одну мотострелковую дивизии. Однако авторы записки понимали, что в случае вторжения на польскую территорию этих сил может не хватить для наведения порядка. Авторы считали необходимым «при выстулении на стороне контрреволюционных сил основных сил Войска Польского увеличить группировку наших войск еще на пять-семь дивизий...»¹²¹ Угроза перехода польской армии на сторону антикоммунистических сил была, с одной стороны, главным сдерживающим фактором для СССР, а с другой — критерием необходимости вторжения. Если советская армия вмешается, события примут характер национально-освободительной борьбы и могут вовлечь в свой водоворот армию. Пока польская армия остается на стороне режима, военное вмешательство СССР не нужно. В августе 1980 г., когда события в Польше только начались и стремительно нарастали, было не ясно, какую позицию займет армия, и в Кремле разрабатывались самые разные, в том числе и экстренные, варианты. После того, как 30 августа было достигнуто соглашение между правительством и забастовщиками, ситуация отчасти стабилизировалась. Стало ясно, что армия осталась на стороне ПОРП, и планы военного вмешательства СССР были заморожены.

Несмотря на аресты членов КОРа и информационную блокаду вокруг забастовки на побережье, рабочие не уступали. 30 августа стачка охватила всю страну, и властям пришлось принять требования забастовщиков. 6 сентября Э.Герека сменил на посту первого секретаря ЦК ПОРП С.Каня, который заявил, что «забастовки не были направлены ни против принципов социализма, ни против союзников Польши, ни против руководящей роли партии...»¹²² Новый руководитель Польши пытался доказать СССР, что ничего страшного еще не произошло, и необходимости для вмешательства нет. 10 ноября был официально зарегистрирован независимый профсоюз «Солидарность», который быстро превратился в массовое народное движение. Это решение было воспринято руководителями стран Варшавского договора как крупное поражение. Причем некоторые из них были настроены гораздо радикальнее кремлевских старцев. В беседе с польским послом 20 ноября руководитель ГДР Э.Хоннекер заявил: «Несомненно, этот компромисс был сильным ударом для всех, кто питал надежду, что вы сами справитесь с проблемами... Мы против кровопролития. Это последнее средство. Но и это средство должно быть использовано»¹²³. В послании к Брежневу 26 ноября Хоннекер писал: «промедление подобно смерти — смерти социалистической Польши. Вчера наши совместные меры были бы, наверное, преждевременными, сегодня — они необходимы, но завтра они могут уже запоздать»¹²⁴. 5 декабря по предложению Хоннекера в Москве собралось совещание восточноевропейских руководителей по польскому вопросу. С.Каня предложил в качестве альтернативы вторжению соседей введение в стране военного положения. «Под руководством премьер-министра работает созданный политбюро штаб, который готовит ряд мероприятий. Среди... вопросов, решаемых штабом, и вопрос введения военного положения в Польше... Также готовится арест активистов контрреволюции»¹²⁵. Победа над «контрреволюцией» внутренними силами была предпочтитель-

нее для «социалистического содружества», тем более, что, как отметил Живков, «польские товарищи» и позднее могут «обратиться к нам, союзникам»¹²⁶.

«Большой брат» пока ограничивался критикой курса Герека: «События в Польше вновь убеждают, — говорил Л.Брежнев, — как важно для партии, для укрепления ее руководящей роли чутко прислушиваться к голосу масс, решительно бороться со всякими проявлениями бюрократизма, волонтаризма, активно развивать социалистическую демократию, проводить взвешенную реалистическую политику во внешнеэкономических связях»¹²⁷. Только последнее обстоятельство отличало политику ПОРП от политики КПСС. Советники Брежнева пытались воздействовать с помощью польских уроков на бюрократию КПСС, вновь и вновь намекая: «так жить нельзя». С.Каня, в свою очередь, в принципе не возражал против реформ, но считал, что «различные формы обновления надо искать только на пути социалистической демократии»¹²⁸.

Массовое движение неповиновения, развернувшееся в Польше, быстро дезорганизовало систему власти. Управляемость страной была, по существу, потеряна. Попытки ПОРП «обуздать» «Солидарность» не удались, и события развивались от кризиса к кризису — в октябре конфронтация обострилась из-за попытки властей не зарегистрировать «Солидарность», в ноябре — из-за арестов профсоюзных активистов, в январе — из-за требования профсоюза ввести выходной в субботу, в марте — из-за нападения милиции на профорганизацию в Быдгоще. Помимо «Солидарности» и КОР, преобразованный в Комитет общественной самообороны — Комитет защиты рабочих (КОС-КОР), в стране действовали и другие оппозиционные организации, наиболее радикальной из которых была Конфедерация независимой Польши. Власти показали свою полную неспособность как к нормальному партнерству с «Солидарностью», так и к противостоянию забастовкам. Становилось очевидно, что «мирное сосуществование» «Солидарности» и правительства ПОРП невозможно, а продолжение их конфронтации приводит к полному хаосу. По существу, в стране бушевала революция.

Редкая революция обходится без интервенции. С одной стороны, в Польше продолжали находиться советские войска, которые, правда, в конфликт не вмешивались. Но специалисты КГБ работали бок о бок с польскими коллегами. СССР не покидал союзника в трудный момент и материальной помощью. К середине 1981 г. СССР передал Польше 4,5 миллиарда для погашения процентов¹²⁹. С другой стороны в Польшу переправлялись сотни единиц копировальной техники и даже типографии с Запада¹³⁰, которые позволили «Солидарности» и другим оппозиционным организациям быстро составить конкуренцию официальным средствам информации, проникнуть в которые оппозиции не удалось. На польскую революцию работала радиостанция «Свободная Европа» и эмигрантское издательство «Культура». В итоге «самиздат» и «тамиздат» выигрывали битву за умы. Все меньшее число людей черпали информацию из официального телевидения, радио и газет.

«Солидарность» перехватывала инициативу не только в социальной, но и в политической жизни. Пока партия страдала от дефицита идей, эксперты «Солидарности» подготовили проект закона о введении самоуправления на предприятиях. Если прежняя волна движения за самоуправление в 1956—1957 г. была взята под контроль партией, в результате чего органы самоуправления были подмяты под себя администрацией, то теперь предполагалось, что рабочие советы будут избирать директоров. В условиях наличия сильного оппозиционного движения на производстве это означало бы разрушение номенклатурной системы на уровне предприятий. «Солидарность» могла осуществить мечту синдикалистов о переходе хозяйства под контроль профсоюзов.

Одновременно лидеры профсоюза стали открыто демонстрировать готовность перейти к решению политических задач: «Правительство ни на что не способно, — говорил Л.Валенса, — Следовательно, мы сами должны выйти из положения, в котором оказались. Мы должны считать себя прежде всего не членами профсоюза, а — поляками»¹³¹. С.Каня заявил о неприемлемости проекта «Солидарности» о самоуправлении, так как он основан на концепции «фактического отхода от государственной собственности к групповой собственности»¹³². После того, как Сейм стал готовить коммунистический проект закона о самоуправлении в пику «Солидарности», съезд профсоюза потребовал вынести свой проект на референдум и заявил, что в случае отказа Сейма и от этого «Солидарность» проведет референдум сама. В итоге Сейм отложил решение вопроса, впервые не подчинившись рекомендациям руководства ПОРП¹³³. «Солидарность» на глазах превращалась в политическую партию. Все слабее становились надежды руководства ПОРП на то, что «в руководящих звеньях профсоюза существуют разные течения»¹³⁴.

Продемонстрировать готовность ПОРП противостоять натиску «Солидарности» был призван чрезвычайный съезд партии. Выступая на съезде, С.Каня пытался воздействовать не только на коммунистов, но и на «Солидарность»: «Партия неоднократно заявляла о своем конструктивном отношении к «Солидарности», выражала готовность сотрудничать и подтверждает это еще раз. Мы видим дифференцированный характер этой организации, где существуют различные, противоположные друг другу течения»¹³⁵. Каня не оставлял надежду приручить «Солидарность», изолировав в ней «реакционные экстремистские группировки, пытающиеся придать «Солидарности» характер политической партии, оппозиционно настроенной к социалистическому государству»¹³⁶. Этот план потерпел полный провал — во второй половине 1981 г. борьба за лидерство в «Солидарности» шла уже между умеренными и радикальными сторонниками участия «Солидарности» в политической борьбе, а крыло, которое хотело оставить «Солидарность» в рамках чисто профсоюзной работы, сошло на нет. Этому способствовало и нежелание ПОРП переходить на реформистские позиции, и идеологическое давление Запада, и обострение социально-экономического кризиса в стране. Финансовое положение страны становилось отчаянным.

Для выполнения обязательств по долгам не хватало уже 12 миллиардов долларов¹³⁷.

Внутренних ресурсов для погашения долгов не было. В первой половине 1981 г. национальный доход страны упал на 15%. Об этом говорил в своем докладе съезду премьер-министр Польши В.Ярузельский¹³⁸.

После советской оккупации части польского государства в 1939 г. молодой Ярузельский «находился в СССР», как тактично сообщала его биография, то есть в лагере. В 1943 г. он вступил в формировавшуюся на территории СССР польскую армию, дошел до Эльбы. В 1968 г. генерал Ярузельский был назначен министром национальной обороны и находился на этом посту во время расправы над рабочими в 1970 г. 11 февраля 1981 г. генерал был назначен премьер-министром Польши.

В.Ярузельский никогда не забывал о той роли, которую играет в истории Польши ее «великий сосед». Об этом говорил он и на съезде: «Переживаемые нами трудности позволили нам еще раз познать подлинных друзей. В нынешний столь тяжкий для нас период чрезвычайно ценным было и остается сотрудничество с Советским Союзом, а также помощь, оказанная Польше Советским Союзом и некоторыми другими странами — членами СЭВ. Мы знаем, что для наших друзей оказание этой помощи — дело непростое. У них ведь немало собственных потребностей»¹³⁹. Груз польского кризиса, который лег на экономику стран СЭВ, еще не мог дестабилизировать всю систему, но уже тяжело сказывался на бюджете СССР. В 1980 г. Польше была предоставлена помощь в размере 4,35 миллиардов долларов, а в 1981 г. — 5,59 миллиардов¹⁴⁰. Пока генерал Ярузельский не мог решить проблему силовым путем, он предлагал экономические меры: повышение цен на продовольствие, электроэнергию и уголь с целью ликвидации дефицита. Характерно, что сообщение о такой перспективе вызвало новую волну протеста. Однако когда оппозиция пришла к власти в 1989—1990 гг., она провела резкое повышение цен, что не вызвало социального взрыва. ПОРП не могла провести «реформу цен» не потому, что это было в принципе невозможно, а из-за массового недоверия политике коммунистов.

Конечно, правительство пыталось перехватить некоторые лозунги «Солидарности», также апеллируя к самоуправлению, но ключом политической линии Ярузельского оставалось противопоставление «демократии» и «анархии», которое позднее возьмет на вооружение Горбачев: *«Для демократии нет большей опасности, чем анархия, которая, как болезнь, разрушает здоровые клетки, истощает организм, подрывает основы государства и метит в основные интересы народа»*. Народовластие в понимании Ярузельского отождествлялось с существующей властью: *«Нельзя отдать народную власть, власть социалистического государства, и она не будет отдана. На этот счет не должно быть никаких иллюзий, никакой игры с огнем... Главная привилегия партии — это принятие на себя огромных задач, которые необходимо нести, так как никто другой с ними не справится»*. С солдатской прямоотой Ярузельский сообщил обществу и о причинах жесткой позиции режима в отношении реформ — ставки в игре были гораз-

до более высоки, чем просто вопрос о структуре польского общества: *«В сегодняшнем мире любой очаг опасности представляет угрозу, но однако наиболее опасным было бы нарушение равновесия сил именно в Европе.*

Здесь — при высшей степени военной концентрации — проходит основной участок границы, разделяющей две общественые системы. Словом — это континент, имеющий решающее значение для судеб всеобщего мира.

Именно здесь, в этом невралгическом узле, находится геостратегическое место Польши»¹⁴¹. Падение власти коммунистов в Польше означало бы образование дыры в глубоком тылу Варшавского договора, неслыханное нарушение равновесия, более серьезное, чем то, которое могло возникнуть в результате Венгерской революции 1956 г. и «Пражской весны». Чтобы сплотить лояльную часть партии против такой угрозы, Ярузельский напомнил и о том, что Варшавский договор гарантирует новые западные границы Польши.

Геополитический фон, на котором развивалась польская революция, определил важность того, что говорил на съезде посланник КПСС В.Гришин. Он поставил перед польскими коммунистами задачу «нормализации обстановки в стране», однако подчеркнул: *«мы считали и считаем, что вывести страну из кризиса — дело самих польских коммунистов, трудящихся народной Польши».* В то же время эмиссар Кремля отметил, что *«не в советских правилах бросать в беде своих друзей и союзников. Об этом авторитетно заявил товарищ Л.И.Брежнев на XXVI съезде КПСС.*

Такая интернационалистская позиция приобретает тем большее значение, что Польша стала объектом массивированного политического и идеологического давления со стороны империализма и его агентуры... Вы знаете, товарищи, о бесперебойных поставках советской нефти, газа, руды, хлопка, леса и других жизненно важных для польской экономики товаров по ценам значительно ниже мировых, о большой дополнительной финансовой помощи, оказанной Советским Союзом Польской народной республике. Эти средства и ресурсы не лишние в нашем народном хозяйстве...»¹⁴² Таким образом, Гришин подтвердил, что пока СССР не собирается осуществлять вторжение в ПНР и ограничится экономической помощью в надежде на внутренние резервы «нормализации». Однако такое положение не могло продолжаться долго...

Обстановка на съезде ужасала делегатов «братских партий», привыкших к монотонному ведению партийных форумов. ПОРП «разлагалась» вместе с режимом. Позднее Гришин вспоминал: «Доклад и выступления слушались плохо, допускались реплики, выкрики, высказывания с мест. Авторитеты в партии не признавались»¹⁴³. Поэтому, выступая на съезде, В.Гришин не преминул сделать далеко идущие выводы по поводу польских событий, которые должны были стать уроком всем «реформистам» Восточной Европы, в том числе и в КПСС: *«Драматические уроки польского кризиса вновь подтверждают, что там, где допускается отход от общих закономерностей марксизма-ленинизма, реакционные силы не упускают случая взять реванш и повести дело к реставрации старых порядков... Маскируя свои истинные намерения, противники народной власти повсюду кричат, что*

*они выступают за “улучшение” социализма. Сторонниками такого “улучшения” объявляют себя все реакционеры в современном мире, и прежде всего заправила американского ревизионизма и германского реваншизма»*¹⁴⁴

Угрозы со стороны правящей партии и ее могущественного союзника не остановили «Солидарность». 10 сентября съезд профсоюза утвердил декларацию, содержащую программу дальнейшего наступления на позиции ПОРП. «Солидарность» требовала:

«1. Улучшения снабжения посредством организации контроля — с участием профсоюза “Солидарность” и представителей единоличных крестьянских хозяйств — над производством, распределением и ценами.

2. Экономических реформ посредством создания настоящих советов самоуправления на предприятиях и ликвидации системы партийной номенклатуры.

3. Правды посредством социального контроля над средствами массовой информации и уничтожения лжи в области воспитания и польской культуры.

4. Демократии посредством свободных выборов в Сейм и народные советы.

5. Правосудия посредством утверждения равенства каждого перед законом, освобождения политических заключенных и защиты людей, преследуемых за их политическую, журналистскую или профсоюзную деятельность.

6. Здоровоохранения нации посредством охраны окружающей среды, увеличения бюджета, предназначенного для служб здравоохранения и для обеспечения гарантий инвалидам...

*Мы выполним эти задачи с помощью профсоюзного единства и солидарности его членов. Деятельность различных сил, создающих ощущение существования внешней опасности для страны, не отнимет у нас волю продолжать борьбу за идеалы Августа 1980 года...»*¹⁴⁵ Несмотря на наивность некоторых из этих требований, попытка их воплощения в жизнь означала бы разрушение власти ПОРП и устранения контроля над Польшей со стороны Варшавского договора, то есть «некоторых сил, создающих ощущение внешней опасности». Более того, «Солидарность» решила перенести борьбу «на поле противника», приняв обращение к рабочим «социалистических» стран, в котором говорилось: «Мы надеемся, что в довольно близком будущем представители наших движений смогут встретиться для обмена профсоюзным опытом»¹⁴⁶.

Решения съезда «Солидарности» окончательно определили ориентацию руководителей «социалистического лагеря» на силовое решение проблемы. Тон Москвы стал гораздо жестче. ТАСС охарактеризовала съезд как «антисоциалистическую и антисоветскую вакханалию»¹⁴⁷. В опубликованном 16 сентября коммюнике ЦК ПОРП решения съезда «Солидарности» комментировались следующим образом: «Таким образом, соглашения, заключенные в Гданьске, Щецине и т.д., были односторонне разорваны и заменены. Они были заменены политической односторонней программой, стремящейся-

ся нанести вред жизненно важным интересам нации и государства и могущей привести к кровавой конфронтации»¹⁴⁸. ТАСС оценивало решения съезда не менее жестко: «Эта программа не оставляет никаких сомнений в том, что она является контрреволюционным документом, в котором «Солидарность» ставит себя выше партии, правительства, Сейма»¹⁴⁹. Характерна последовательность перечисления институтов, «выше» которых «Солидарность» не должна была себя ставить. Особенно опасным представлялось ПОРП воззвание к рабочим Восточной Европы, которое было охарактеризовано как «безумная провокация в адрес союзников Польши»¹⁵⁰. Советская сторона была вполне согласна с варшавскими партнерами. ТАСС комментировало: «Откровенно провокационным, наглым по отношению к социалистическим странам является так называемое “обращение к народам Восточной Европы”, содержащее призыв к борьбе с социалистическим строем»¹⁵¹. Еще бы — угроза «союзникам» могла поставить в повестку дня вооруженную интервенцию, которая после вторжения в Афганистан была крайне нежелательной.

О возможности оккупации Польши стали шутить даже в СССР. Здесь, например, ходил такой стишок:

Паны и пани,
Слушайте Каню,
А то придут вани,
И будет как в Афганистане.

Вторжение казалось эффективным решением для “ястребов” в КПСС, но наиболее влиятельные ее руководители, наученные афганским опытом, понимали, что военного вмешательства в Польше нужно избежать любой ценой. «В один из тех дней мне случилось быть в кабинете М.А.Суслова, — вспоминает Э.Шеварднадзе. — Ему кто-то звонил, докладывая об обострении ситуации в Польше, настаивал, как я понял, на “задействовании силы”». Суслов несколько раз твердо повторил: «Ни в коем случае, не может быть и речи об использовании нами силы в Польше»¹⁵². На заседании комиссии Политбюро по Польше Суслов заявил: «Пусть даже в Польше к власти придут социал-демократы, будем с ними работать, но войска не введем»¹⁵³. Осенью 1981 г. Суслов сумел убедить своих коллег по Политбюро в том, что посылать войска в Польшу нельзя¹⁵⁴. Это решение было принято, несмотря на просьбы Ярузельского о «гарантиях военной помощи» (то есть военного вмешательства) в том случае, если переворот провалится¹⁵⁵. Афганский урок не прошел для Политбюро даром.

Однако отказ от вторжения в Польшу оставался для мира секретом. 17 сентября ЦК КПСС в обращении к польским коллегам заявил, что терпимость к оппозиции, покушающейся на стабильность в странах «социализма» находится «в прямом противоречии с обязанностями Польши, являющейся членом Варшавского договора»¹⁵⁶.

Давление на Польшу со стороны стран Варшавского договора заставляло лидеров «Солидарности» действовать более осторожно. Они заявляли,

что требуют перемен лишь в рамках «соотношения сил, установленного после окончания Второй мировой войны»¹⁵⁷. Но такая умеренность привела к усилению радикального крыла «Солидарности», которое обвиняло лидеров профсоюза в соглашательстве. Официальные средства массовой информации стран Варшавского договора использовали разногласия в движении двояко. С одной стороны, они выдавали критику руководства «Солидарности» со стороны радикалов за протест против «экстремизма» самих лидеров профсоюза: «Примечательно, что и на самом гданьском сборище часть делегатов из рабочих начинает явно коробить то, как противники социализма манипулируют съездом, используют его для организации все новых враждебных ПОРП, правительству народной Польши и ее союзников провокаций... Подчеркивалось, что руководство профобъединения пренебрегает интересами масс, не консультируется с ними относительно своих решений»¹⁵⁸, — утверждало ТАСС (в действительности часть делегатов обвиняло Валенсу в излишней склонности к компромиссу¹⁵⁹). С другой стороны, ТАСС выдавало позицию радикалов за мнение, доминирующее в руководстве профсоюза: «Общее содержание и тон в гданьском зале “Оливия”, как и прежде, задает орава контрреволюционных политиканов»¹⁶⁰.

В начале декабря ситуация продолжала обостряться. На совещании в Радоме лидеры «Солидарности» обсуждали перспективу массовых демонстраций в годовщину расправы над рабочими в 1970 г. Эти выступления должны были положить начало действиям, направленным на приход оппозиции к власти путем выборов или кампании гражданского неповиновения. Говорилось о том, что «после забастовки вся власть будет принадлежать “Солидарности”». Радикальные высказывания Валенсы в Радоме интерпретировались коммунистической прессой как призыв к перевороту. Сам лидер «Солидарности» заявил, что был неправильно понят и не исключает соглашения с правительством¹⁶¹. 12 декабря ТАСС заявляло: «Отвергая призывы правительства к достижению национального согласия, отказываясь от разрешения кризиса политическими средствами, профобъединение “Солидарность”, орудующие в нем контрреволюционные элементы ведут подготовку к прямому захвату власти... Попытки “Солидарности” прикрыть свое наступление на ПОРП и правительство лозунгами “умеренности”, усыпить бдительность властей не могут ввести в заблуждение тех, кто преисполнен решимости отстоять польское социалистическое государство от покушений со стороны классовых противников»¹⁶². Примирительные заявления лидеров «Солидарности» 11—12 декабря уже не играли роли. Жребий был брошен — после заявления оппозиции о готовности прийти к власти партия-государство решила нанести сокрушительный удар по своему «классовому противнику» — движению рабочих, интеллигенции и крестьян. При этом руководители ПНР и их советские советники учитывали фактор усталости польского общества от конфронтации и вызванное этим ослабление связей между лидерами движения и его массовой базой.

Посетившие Польшу в середине 1981 г. советские корреспонденты О.Лосото и Ю.Скляров с возмущением писали «На упоминавшемся уже нами Варшавском оптическом заводе местная “Солидарность” хотела пус-

тить среди рабочих явно провокационную инструкцию: «Как вести себя при аресте»¹⁶³. Изучение «явно провокационной инструкции» оказалось полезным для рабочих активистов. 13 декабря 1981 г. в Польше было введено военное положение, активисты «Солидарности» и других оппозиционных организаций «интернированы» (арестовано 6309 человек¹⁶⁴), несанкционированное распространение информации, митинги и забастовки запрещены, на предприятия назначены комиссары-уполномоченные Военного совета национального спасения с широкими правами. Глава совета — премьер-министр Польши и первый секретарь ЦК ПОРП (он был избран на этот пост 18 октября 1981 г.) В.Ярузельский выступил по телевидению и радио с речью, в которой изложил мотивы совершенного им шага: *«Наша родина оказалась над пропастью. Превращаются в руины достижения многих поколений и возведенный из пепла дом. Государственные структуры перестают действовать. Угасающей экономике наносятся все новые удары... Через каждое предприятие, через множество семей проходят линии болезненного раздела... Звучат призывы к физической расправе с “красными”, с людьми, имеющими другие взгляды... Растут миллионные капиталы акул экономического подполья. Хаос и деморализация приобрели масштабы катастрофы»*¹⁶⁵. В этих словах было много справедливого, но пафос речи Ярузельского был направлен против оппозиции, которая якобы одна несет всю ответственность за происшедшее. Еще более категоричен был Ярузельский после того, как власть военного режима несколько упрочилась: *«Я обвиняю эти силы в стремлении к конфронтации, в стремлении парализовать власть, в распространении ненависти, в постоянном нарушении закона, в забастовочном терроризме, в разрушении экономики, в том, что эти силы подвергали угрозе союзы и безопасность страны. Я обвиняю этих людей в злоупотреблении доверием миллионов честных людей, вовлекаемых во все более опасный омут»*¹⁶⁶. Из речи диктатора не было ясно, каким образом эти силы смогли добиться доверия миллионов людей, которым потом «злоупотребляли».

Успех силовых методов выхода из кризиса окрылил руководителей Варшавского договора, и они уже не говорили о причинах кризиса, ссылаясь прежде всего на происки империализма. Споры нет, действия стран НАТО сыграли немалую роль в развитии польского кризиса, но операции Запада развивались на благоприятной почве, исследование которой руководством стран Варшавского договора проведено не было (по крайней мере, публично). Это оставляло возможность разыгрывать «польский сценарий» и в других «странах социализма». Однако если высшие руководители КПСС облегченно вздохнули и занялись новым раундом борьбы за власть, то «реформисты» в недрах партии отныне на конкретном примере могли представить, что произойдет, если в стране не будут проведены эффективные преобразования. Польская революция была еще мягким вариантом возможного кризиса, в котором против «партии рабочего класса» выступает «рабочий класс».

Впоследствии генерал Ярузельский утверждал, что ввел чрезвычайное положение под прямой угрозой вторжения стран Варшавского договора¹⁶⁷.

Однако, проанализировав польские и российские источники по этому вопросу, М.Крэймер утверждает: «Судя по всем воспоминаниям, маневры и другие приготовления, которыми занимались советские войска и армии Восточной Европы... были рассчитаны на то, чтобы запугать поляков и подготовить основу для вторжения в том случае, если Политбюро прикажет осуществить его. Однако сами по себе эти приготовления вовсе не означали того, что Политбюро когда-либо принимало окончательное решение о вторжении в случае неудачи с введением военного положения»¹⁶⁸. План действий по введению военного положения был разработан не в связи с опасностью советского вторжения, так как это было сделано еще в 1979 г.¹⁶⁹

Удар 13 декабря 1981 г. не привел к полному «замирению» Польши. До конца декабря продолжалась забастовка шахтеров в Катовице. При ее подавлении погибло несколько человек. Время от времени в стране проходили массовые антиправительственные демонстрации, разгонявшиеся водометами и специальными полицейскими подразделениями.

Но контроль Варшавского договора над Польшей был восстановлен, что нанесло тяжкий удар по плану США. Несмотря на то, что международные нормы на этот раз были соблюдены, американская администрация реагировала на введение военного положения в Польше так же резко, как и на ввод войск в Афганистан. Рейган напоминал ребенка, у которого отняли любимую игрушку. Американцы были застигнуты переворотом врасплох. По воспоминаниям советника Рейгана Р.Пайпса, «Президент был разъярен. Он сказал: “Нужно что-то предпринять. Мы должны крепко ударить и спасти «Солидарность»”. Президент готов был действовать»¹⁷⁰. По мнению летописца ЦРУ времен Рейгана П.Швейцера, «объявление военного положения в Польше было для администрации США поворотным моментом»¹⁷¹. После этого была начата открытая экономическая война против СССР, и Рейган принял решение о том, что одной из целей американской политики является нейтрализация советского влияния в Восточной Европе. «В результате мы сочли Ялтинскую конференцию недействительной»¹⁷², — вспоминал член Совета национальной безопасности Э.Миз.

Позиция западных лидеров не была столь же категоричной. Канцлер ФРГ Х.Шмидт считал, что введение военного положения в Польше было неизбежным. Во время встречи Шмидта и Госсекретаря США А.Хейга американец обвинил немца в отсутствии достаточного осуждения польского переворота. Дело дошло до того, что политики кричали друг на друга¹⁷³. Тяжелая безработица, охватившая Западную Европу, заставляла искать рынки сбыта продукции. Отличной возможностью для этого было строительство газопровода из СССР в Западную Европу.

17 декабря Рейган заявил об ограничении экономического обмена с Польшей. Собственно, воздействовать на польский режим санкции могли лишь в последнюю очередь — Польше помогал СССР, и удар наносился по всему «содружеству». Санкции позволили Ярузельскому даже сыграть на националистических чувствах: «Поляки никогда еще не покорялись зарубежному ультиматуму»¹⁷⁴. Действительно, эрозия режима началась уже тогда, когда отношения между Востоком и Западом нормализовались.

29 декабря Рейган объявил о серии санкций против СССР: прекращении поставок нефтегазового оборудования, что должно было сорвать строительство газопровода Уренгой—Помары—Ужгород—Западная Европа, рейсы «Аэрофлота» в США, работы советской закупочной комиссии в Нью-Йорке и др. Первое решение ударило примерно по 60 американским фирмам. Этим же решением были затруднены разработки месторождений с участием Японии на Сахалине, так как в них участвовал американский капитал¹⁷⁵. Потери американских компаний были очень велики. «Caterpillar Tractor» потеряла 90 миллионов долларов, «General Electric» — 175 миллионов¹⁷⁶. Но США были готовы идти на эти издержки, так как для Советского Союза газопровод должен был принести несколько миллиардов долларов прибыли в год. Но для строительства проектируемых газопроводов по оценкам ЦРУ до конца 80-х гг. СССР требовалось 15—20 миллионов импортных стальных труб¹⁷⁷. Таким образом, международная блокада могла принести СССР финансовый ущерб, сопоставимый с его валютными запасами. «Мы и в самом деле считали, что должны остановить осуществление проекта или хотя бы задержать его, — вспоминал министр обороны США Уайнбергер. — Иначе он дал бы им стратегическое преимущество и огромный приток средств»¹⁷⁸.

В качестве замены американцы предлагали европейцам свой уголь, используя политическую ситуацию для продвижения на рынок собственного продукта, уступавшего советскому газу по множеству характеристик — от транспортных до экологических. Естественно, европейцы не были склонны уступать. Об этом Рейгана предупреждал и Госсекретарь Хейг: «Господин президент, Западная Европа не откажется от этого проекта. Уже слишком поздно, поскольку дело зашло далеко»¹⁷⁹. «Санкции и эмбарго, — заявил председатель торговой палаты ФРГ, — особенно, когда речь идет о такой стране, как Советский Союз, не могут решить политических проблем»¹⁸⁰. Однако без участия Западной Европы в блокаде СССР меры США теряли смысл — заказы американских фирм перехватывались европейцами. Санкции Рейгана били по его соотечественникам сильнее, чем по СССР. Советский Союз ответил на американское эмбарго заявлением о готовности построить газопровод своими силами.

На встрече министров иностранных дел НАТО в январе 1982 г. разгорелась полемика между американцами и европейцами. Итогом стал компромисс — Европа будет выполнять свои контракты с СССР, но не станет заключать контрактов на выполнение работ, от которых ранее отказались американцы. Но, по воспоминаниям сотрудника американской администрации Р.Робинсона, курировавшего этот вопрос, «в период между январем и июнем 1982 г. стало ясно, что европейцы игнорировали соглашение и стали очень быстро заменять американских производителей»¹⁸¹. В итоге американские фирмы оказались в проигрыше. Январское соглашение стран НАТО было сформулировано в достаточно общих выражениях, чтобы страны Европы могли его обойти.

СССР демонстрировал серьезный подход к схватке. 20 апреля было принято постановление ЦК, которое отмечало: «проводимая Миннефтегазстроем работа по техническому перевооружению, внедрению прогрессивных

методов строительного производства еще не отвечает возрастающим задачам, стоящим перед этой отраслью»¹⁸². Постановление в суровых выражениях требовало ликвидировать недостатки. «Несмотря на несомненный ущерб, который эти меры наносили Советскому Союзу, они не имели большого воздействия на московскую внешнюю политику. Некоторые страны НАТО поддержали санкции против Польши, но в Европе существовало общее нежелание применять те же санкции против Советского Союза. В частности, Западная Германия, Франция и другие страны, вовлеченные в проект гигантского газопровода, не собирались разрывать свой контракт только из-за Польши», — комментируют Д.Ноги и Р.Дональдсон¹⁸³.

Попытка Рейгана навязать свою политику европейцам во время саммита руководителей развитых стран в Версале 4—6 июня 1982 г. провалилась. Президент США требовал прекращения кредитования проекта европейцами, уже соглашаясь на строительство первой очереди газопровода. Но Франция только что подписала договор о кредитовании проекта. «Миттеран и Шмидт покинули торжественное закрытие саммита, тем самым давая понять, что финансовые и энергетические договоры с СССР не будут изменены»¹⁸⁴, — вспоминает Р.Робинсон. В июне Рейган приехал в Бонн. По расказу Робинсона, «когда президент выступал с горячим призывом, Шмидт смотрел через окно в сад. Он демонстративно игнорировал Рейгана»¹⁸⁵.

Президент был разгневан. По возвращении из Бонна «возмущенный Рейган 18 июня созвал встречу Совета национальной безопасности, — пишет П.Швейцер. — Этот день впоследствии был назван в Европе «черной пятницей». «Он рассказал о том, как пренебрежительно к нему отнесся Шмидт, а также о недоразумениях с французами. Подчеркнул, что уже устал от заключения бумажных соглашений с союзниками. А в конце подытожил: «Пусть себе строят (Советы и европейцы) свой газопровод. Но не с нашим оборудованием и не по нашей технологии». Рейган принял решение «расширить санкции и охватить ими американские лицензии и субсидии за границей, согласно правительственному “Уставу об экспорте”»¹⁸⁶. Это означало, что отныне европейцы, сотрудничающие с СССР, не могли использовать американские технологии. США грозило санкциями тем европейским фирмам, которые откажутся подчиниться. С таким американским диктатом европейцы не сталкивались уже давно. «Это возмутило даже Маргарет Тэтчер, в целом настроенную прорейгановски, — пишет П.Швейцер. — Все руководители крупнейших государств Западной Европы высказали протест и заявили, что не имеют намерения придерживаться навязанного им нового порядка... Тэтчер и Миттеран советовали фирмам своих стран игнорировать американские запреты... Тэтчер открыто сказала Рейгану: ваш закон для нас — не закон. В Париже министр промышленности Жан-Пьер Шеверман грозил, что ликвидирует те французские фирмы, которые не будут высылать свои товары в Москву»¹⁸⁷. Интересно, что строительство газопровода вызвало недовольство и в СССР. Некоторые рабочие открыто утверждали, что «бывшие фашисты пользуются нашими богатствами в ущерб нам»¹⁸⁸.

Западный блок давал все более заметные трещины. Крутые меры 18 июня вызвали кризис и в самой американской администрации — в отставку

ушел Госсекретарь А.Хейг (решения принимались в его отсутствие). «Эмбарго нельзя было сохранить, — вспоминал новый Госсекретарь Д.Шульц. — НАТО переживал нелегкие минуты. Нужно было найти какой-то компромисс»¹⁸⁹. Компромисс был достигнут на переговорах в Ла-Сапийер. 13 октября 1982 г. США отменили санкции в отношении союзников в обмен на их согласие более жестко контролировать поставки технологий в Советский Союз и отказ от предоставления льготных кредитов и заключения новых договоренностей с СССР на поставки природного газа. Существовавшие соглашения сохранялись. Рейган фактически проиграл первое столкновение с СССР.

Первый провал не обескуражил Рейгана, а лишь подзадорил его. В день отказа от санкций президент подписал директиву NSDD-66, которая определяла поведение в отношении проекта «Уренгой-Помары-Ужгород-Западная Европа». Не сумев остановить строительство газопровода, США намеревались теперь затруднять его строительство и не допустить создания второй очереди, которая должна была начать давать прибыль в начале 90-х гг.¹⁹⁰ В 1983 г. союзники США согласились ограничить планируемый импорт советского газа 30-ю процентами своего потребления. Благодаря технологической блокаде, установленной США, удалось задержать ввод газопровода в строй на два года (1985—1987 гг.). Но после этой задержки он стал важным источником твердой валюты для СССР.

Что касается Польши, то 9 мая 1982 г. Рейган сформулировал условия к этой стране, по выполнению которых США готовы включиться в программы помощи ей — отмена военного положения, освобождение политических заключенных, возобновление диалога с «Солидарностью». Ужесточая санкции, американский президент ссылаясь на авторитет римского Папы, но Ватикан 20 января выступил с опровержением: римский престол не поддерживал мер, которые могли бы ухудшить условия существования польского народа. Тогда западные спецслужбы начали активно разрабатывать «восточно-европейский» след покушения на Папу 13 мая 1981 г. Покушение стало настоящим подарком для США. Еще 26 апреля 1981 г. Папа отказался от встречи с Кейси для обсуждения возможного взаимодействия между костелом и ЦРУ в Польше. Но в 1982 г. ЦРУ наконец удалось добиться сотрудничества с Ватиканом в этой стране¹⁹¹. 25 ноября по обвинению в причастности к покушению на Папу был арестован гражданин Болгарии С.Антонов. Доказать это обвинение так и не удалось...

В 1983 г. военное положение в Польше было отменено, вскоре на свободу вышли последние политзаключенные. Служба безопасности докладывала Ярузельскому: «Оппозиция на предприятиях потеряла способность мобилизовывать на демонстрации»¹⁹². Однако режим не стал намного мягче. В 1984 г. службой безопасности было убито несколько активистов оппозиции. «Солидарность» продолжала действовать в подполье. Ее авторитет был прежним, но идеология менялась. Организация становилась все более прозападной. Выживанию «Солидарности» способствовала материальная помощь ЦРУ, которое передавало до 8 миллионов долларов в год¹⁹³.

В 1983 г. уже и Л.Валенса требовал отмены санкций против Польши, которые били прежде всего по польскому населению¹⁹⁴. Но Рейган не уступал. Он вел большую игру, в которой народы рассматривались как пешки в гамбите.

На экономическую жизнь Польши оппозиция теперь влияла незначительно, но существование разветвленного и авторитетного подполья делало власть неустойчивой. События 1980—1981 гг. изменили моральный и идеологический климат в стране. В Польше даже в открытой печати обсуждались проблемы, которые оставались «вне закона» в СССР. Это свободомыслие поляков даже вызывало критику со стороны советских изданий. Так, возмущение советской прессы вызвал польский журнал «Политика», который открыто рассуждал о необходимости развития «мировоззренческого и политического плюрализма»¹⁹⁵.

СССР поддерживал Ярузельского суммами в 3—4 миллиарда долларов в год. В середине 80-х гг. эти расходы уменьшились до 1—2 миллиардов¹⁹⁶. Острый кризис остался позади. Анализируя в 1983 г. итоги польского кризиса, В.Ярузельский еще раз подтвердил, что «Польша — только одно из звеньев социалистической системы, и лишь под таким углом зрения можно рассматривать ее опыт»¹⁹⁷. Но страна стала еще одним «слабым звеном» в цепи Варшавского договора наряду с Венгрией и Чехословакией. Впрочем, через несколько лет станет ясно, что в этой цепи не осталось ни одного сильного звена.

Примечания

1. Стратегические вооружения СССР. М., 1992. С. 34; Ахромеев С., Корниенко Г. Глазами маршала и дипломата. М., 1992. С. 22.
2. Цит. по: Добрынин А. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962—1986 гг.). М., 1996. С. 387
3. Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 703.
4. Добрынин А. Указ. соч. С. 438.
5. Киссинджер Г. Указ. соч. С. 706—707.
6. Громыко А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М., 1997. С. 74.
7. Добрынин А. Указ. соч. С. 447.
8. Киссинджер Г. Указ. соч. С. 708.
9. Ванден Берге И. Историческое недоразумение? «Холодная война» 1917—1990. М., 1996. С. 218.
10. Корниенко Г. М. Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 1994. С. 241.
11. Там же. С. 241—242.
12. Шмидт Г. На благо Германии. М., 1995. С. 74.
13. Громыко А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М., 1997. С. 55.
14. Добрынин А. Указ. соч. С. 449.
15. Жискара д'Эстен В. Власть и жизнь. Противостояние. М., 1993. С. 292.

16. Раззаков Ф. Бандиты времен социализма. Хроника российской преступности 1917—1991. М., 1997. С. 192.
17. Центр хранения современной документации (Далее — ЦХСД). Ф. 5. Оп. 77. Д. 133. Л. 5.
18. Там же. Д. 132. Л. 10—12.
19. Киссинджер Г. Указ. соч. С. 697—698.
20. Там же. С. 697.
21. Швейцер П. Победа. Минск, 1995. С. 15, 29—30, 43, 53. Книга американского публициста П.Швейцера является одним из важнейших источников по истории второй «холодной войны». По существу это «коллективные мемуары» сотрудников американской администрации, отвечавших за оборону и внешнюю политику. В этой книге, задуманной в качестве апологетического памятника директору ЦРУ У.Кейси, американские «ястребы» откровенно рассказывают о тайных операциях, проводившихся США против СССР в 1981—1986 гг.
22. Там же. С. 10.
23. Foreign Affairs. 1981. Spring. P. 913.
24. Рейган Р. Откровенно говоря. М., 1989. С. 106.
25. Рейган Р. Жизнь по-американски. М., 1992. С. 549.
26. The New York Times Magazine. 23.08.1981. P. 33.
27. Цит. по: Швейцер П. Указ. соч. С. 49.
28. Там же. С. 34.
29. Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. С. 588.
30. См.: Добрынин А. Указ. соч. С. 520.
31. Добрынин А. Указ. соч. С. 508—510.
32. Г.Урушадзе. Выбранные места из переписки с врагами. Семь дней за кулисами власти. Санкт-Петербург, 1995. С. 173. Книга основана на документах, к которым автор получил доступ, работая в секретных архивах КПСС и КГБ сразу после августовских событий 1991 г.
33. Хазанов А.М. Политика СССР в «Третьем мире» (в Африке и Азии) // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 408, 412. 19. Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление. Свидетельство современника. М., 1991. С. 224—225.
34. Там же. С. 225—226.
35. Волкогонов Д.В. Семь вождей. Т. 2. М., 1995. С. 54—55. Работы Д.Волкогонова, как в бытность его генералом Главпура, так и в антикоммунистический период его творчества, относятся не столько к области науки, сколько к публицистике. В то же время, благодаря высокому положению при всех режимах 80-х—90-х гг., Д.Волкогонов ввел в оборот большое количество интересных документов, и поэтому его работы представляют большой научный интерес.
36. Война в Афганистане. М., 1991. С. 218.
37. Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 189.
38. Война в Афганистане. С. 52—53.
39. Ляховский А.А., Забродин В.М. Тайны афганской войны. М., 1991. С. 21.
40. Цит. по: Ляховский А.А., Забродин В.М. Указ. соч. С. 42.
41. Война в Афганистане. С. 107.
42. Волкогонов Д.В. Указ. соч. С. 56.
43. Там же.
44. Цит. по: Громов Б.В. Ограниченный контингент. М., 1994. С. 25.
45. Королев Ю. Кремлевский советник. М., 1995. С. 253.
46. Цит. по: Громов Б.В. Указ. соч. С. 26.

47. Там же. С. 26—27.
48. Там же. С. 29.
49. Там же. С. 30.
50. Там же. С. 29.
51. Там же. С. 37, 39.
52. Там же. С. 38.
53. Там же. С. 41—42.
54. Там же. С. 51.
55. Там же. С. 42, 48.
56. Там же. С. 43—44.
57. Там же. С. 46.
58. ЦХСД, Ф. 89. Оп. 14. Д. 26. Л. 1—3.
59. Там же. Л. 8.
60. Там же. Л. 9.
61. Там же. Л. 12.
62. Там же. Л. 13—14.
63. Там же. Д. 25. Л. 2.
64. Там же. Д. 27. Л. 8.
65. Arnold A. *Afganistan: The Soviet Invasion in Perspective*. Stanford. 1981. P. 81—82.
66. *Op. cit.* P. 100.
67. Аллан П., Клей Д. *Афганский капкан. Правда о советском вторжении*. М., 1999. С. 108—122, 128.
68. Ляховский А.А., Забродин В.М. Указ. соч. С. 54.
69. Аллан П., Клейн Д. Указ. соч. С. 125—126.
70. *Война в Афганистане*. С. 196.
71. Цит. по: Волкогонов Д.В. Указ. соч. С. 57—58.
72. Ляховский А.А., Забродин В.М. Указ. соч. С. 40.
73. *Афганистан в нашей судьбе*. М., 1989. С. 97.
74. Жискара д'Эстен В. Указ. соч. С. 322.
75. ЦХСД, Ф. 89. Оп. 14. Д. 35. Л. 2.
76. Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 193.
77. Там же. С. 196.
78. Добрынин А. Указ. соч. С. 406.
79. Там же. С. 433—434.
80. Там же. С. 427.
81. *Война в Афганистане*. С. 67—68.
82. Там же. С. 68; Широнин В. *Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки*. М., 1996. С. 128.
83. ЦХСД, Ф. 89. Оп. 14. Д. 35. Л. 2.
84. Калугин О. *Прощай, Лубянка!* М., 1995. С. 235. Амина обвинили в связях с ЦРУ его враги в руководстве НДПА — Ватанджар и товарищи (Аллан П., Клей Д. Указ. соч. С. 124). В дальнейшем эта версия стала разрабатываться КГБ.
85. Варенников В. *Судьба и совесть*. М., 1993. С. 49.
86. Швейцер П. Указ. соч. С. 124.
87. Жискара д'Эстен В. Указ. соч. С. 320.
88. ЦХСД, Ф. 89. Оп. 14. Д. 35. Л. 1.
89. *Foreign Policy*. 1988. № 72. P. 35.
90. Интервью с И.Павловским // *Красная звезда*. 1989. 18 ноября.
91. *Война в Афганистане*. С. 241.
92. Варенников В. Указ. соч. С. 49.

93. См.: Марчук Н.И. Война в Афганистане: «интернационализм» в действии или вооруженная агрессия? // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985). Новое прочтение. М., 1985. С. 461.
94. ЦХСД. Ф. 89. Оп. 14. Д. 31. Л. 2.; Крючков В. Личное дело. Т. 1. М., 1996. С. 204. По воспоминаниям личного секретаря Л.Брежнева Г.Дорошиной, он до последнего момента сопротивлялся этому решению. (Интервью в телефильме «Исторические расследования: пациент Брежнев». 5 канал). Вероятно, то же самое могли бы сказать о своих шефах сотрудники почти всех членов Политбюро кроме, разве что, Устинова. Но обстоятельства оказались сильнее.
95. Леонов Н.С. Лихолетье. М., 1995. С. 67.
96. Там же. С. 202.
97. Ляховский А.А., Забродин В.М. Указ. соч. С. 51.
98. Война в Афганистане. С. 37—39.
99. Боровик А. Афганистан. Еще раз про войну. М., 1990. С. 8.
100. Леонов Н.С. Указ. соч. С. 208.
101. Мирный поход, переросший в войну // Независимая газета. 1994. 29 декабря.
102. Громов Б.В. Указ. соч. С. 133.
103. Ляховский А.А., Забродин В.М. Указ. соч. С. 58—59.
104. Жискар д'Эстен В. Указ. соч. С. 322—323.
105. Там же. С. 326.
106. Там же. С. 325.
107. Добрынин А. Указ. соч. С. 463
108. Там же. С. 465—466
109. Che Guevara E. Obras. La Habana, 1970. T.2. P. 594.
110. Леонов Н.С. Указ. соч. С. 197.
111. Пленум ЦК ПОРП // Известия. 1980. 7 октября.
112. Солидарность. О рабочем движении в Польше и о рабочем движении в России. Frankfurt/Main, 1980. С. 15.
113. Там же. С. 22.
114. Цит. по: Необъявленная война против Польши. Подрывная деятельность западных спецслужб (по материалам польской печати). М., 1984. С. 63—64.
115. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 77. Д. 145. Л. 28.
116. Жискар д'Эстен. Указ. соч. С. 309, 321.
117. Independent social Movements in Poland. Ed. P.Raina. L., 1981. P. 447.
118. Леонов Н.С. Указ. соч. С. 210.
119. Солидарность. О рабочем движении в Польше и о рабочем движении в России. С. 117, 120—123.
120. Тигрид П. Рабочие против пролетарского государства. Сопротивление в Восточной Европе со смерти Сталина и до наших дней. Л., 1984. С. 94.
121. Цит. по: Волкогонов Д. Указ. соч. С. 65.
122. Тигрид П. Указ. соч. С. 99.
123. Эрлер П. СЕПГ и «польский кризис» // Российские историки — германисты. Кто они, над чем работают? М., 1994. С. 99.
124. Там же. С. 100.
125. Там же. С. 101.
126. Там же.
127. Цит. по: IX чрезвычайный съезд польской объединенной рабочей партии // Правда. 1981, 15 июля.
128. Пленум ЦК ПОРП // Известия. 1980. 7 октября.
129. Швейцер П. Указ. соч. С. 115.

130. О масштабах этой помощи см.: Необъявленная война против Польши. С. 146. Швейцер П. Указ. соч. С. 117.
131. Тигрид П. Указ. соч. С. 118.
132. IX чрезвычайный съезд польской объединенной рабочей партии // Правда. 1981. 15 июля.
133. Тигрид П. Указ. соч. С. 124.
134. Правда. 1981. 9 октября.
135. IX чрезвычайный съезд польской объединенной рабочей партии // Правда. 1981. 15 июля.
136. Там же.
137. Швейцер П. Указ. соч. С. 115.
138. На форуме польских коммунистов. Правда. 1981. 21 июля.
139. Там же.
140. Noguee J.L., Donaldson R.H. Soviet foreign Policy since World War II. NY., 1988. P. 317.
141. На форуме польских коммунистов // Правда. 1981. 21 июля.
142. IX чрезвычайный съезд польской объединенной рабочей партии // Правда. 1981. 15 июля.
143. Гришин В.В. От Хрущева до Горбачева. Политические портреты. Мемуары. М., 1996. С. 284.
144. IX чрезвычайный съезд польской объединенной рабочей партии // Правда. 1981. 15 июля.
145. Тигрид П. Указ. соч. С. 119—120.
146. Там же. С. 120.
147. Правда. 1981. 11 октября.
148. Тигрид П. Указ. соч. С. 121.
149. Правда. 1981. 9 октября.
150. Тигрид П. Указ. соч. С. 121.
151. Правда. 1981. 11 октября.
152. Шеварднадзе Э. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., 1991. С. 205—206.
153. Добрынин А. Указ. соч. С. 522
154. Грибков А.И. «Доктрина Брежнева» и польский кризис начала 80-х годов // Военно-исторический журнал. 1992. № 9. С. 56.
155. Там же. С. 52.
156. Тигрид П. Указ. соч. С. 121.
157. Там же. С. 125.
158. Правда. 1981. 3 октября.
159. Тигрид П. Указ. соч. С. 125.
160. Правда. 1981. 3 октября.
161. Правда. 1981. 12 декабря.
162. Там же.
163. Лосото О., Скляр Ю. Польша, апрель-май... // Правда. 1981. 21 мая.
164. Выступление В.Ярузельского в сейме ПНР // Правда. 1982. 27 января.
165. Обращение В.Ярузельского к польскому народу // Правда. 1981. 14 декабря.
166. Выступление В.Ярузельского в сейме ПНР // Правда. 1982. 27 января.
167. Крэймер М. Кризисы в отношениях СССР со странами Восточной Европы, 1948—1981: использование новых данных // Холодная война. Новые подходы, новые документы. М., 1995. С. 130.
168. Там же. С. 133.
169. Там же. С. 134.

170. Швейцер П. Указ. соч. С. 129.
171. Там же.
172. Там же. С. 143.
173. Там же. С. 145.
174. Выступление В. Ярузельского в сейме ПНР // Правда. 1982. 27 января.
175. Швейцер П. Указ. соч. С. 135.
176. Там же. С. 191.
177. Там же. С. 182.
178. Цит. по: Швейцер П. Указ. соч. С. 91.
179. Там же. С. 93.
180. Цит. по: Курдюмов Н. По тропе «холодной войны» // Правда. 1982. 1 января.
181. Цит. по: Швейцер П. Указ. соч. С. 152.
182. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 14. М., 1987. С. 265.
183. Noguee J.L., Donaldson R.H. Op. cit. P. 316—317.
184. Цит. по: Швейцер П. Указ. соч. С. 188.
185. Там же. С. 190.
186. Швейцер П. Указ. соч. С. 191—192.
187. Там же. С. 192, 195.
188. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 30.
189. Швейцер П. Указ. соч. С. 213.
190. Там же. С. 217, 358.
191. Там же. С. 77—82, 132.
192. Там же. С. 211.
193. Там же. С. 142.
194. Там же. С. 308.
195. Рыжов А. Когда теряют ориентиры. По страницам варшавского еженедельника «Политика» // Новое время. 1983. № 19. С. 18—20.
196. Швейцер П. Указ. соч. С. 269, 355.
177. Проблемы мира и социализма. 1983. № 11. С. 15.